

18+ Сергей Калабухин

*Критические
мысли*

Сергей Калабухин

Критические мысли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62861582

ISBN 9785005162205

Аннотация

Критические размышления над книгами классиков и современников: Иван Гончаров, Пьер Гамарра, Руставели, Иван Лажечников, Владимир Орлов и другие.

Содержание

О КРАХЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	5
ФАНТАСТИКА – ОСНОВА ЛИТЕРАТУРЫ	20
ОБЛОМОВЩИНА – ПОСТРОЕНИЕ РАЯ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Критические мысли

Сергей Калабухин

© Сергей Калабухин, 2020

ISBN 978-5-0051-6220-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О КРАХЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В литературных кругах (и не только в них) периодически возникают одни и те же споры.

Одни оплакивают гибнущую, по их мнению, русскую культуру. И литературу как часть её. Их доводы звучат так:

Издатели сделали ставку на чисто коммерческую литературу. Действительно талантливых авторов просто не печатают или превращают в «литературных негров». Всё меньше людей читает книги, а прилавки магазинов заполонило откровенное развлекательное чтиво, в массе которого практически невозможно отыскать настоящую литературу – литературу мыслей, идей и чувств. Страницы так называемых «бестселлеров» щедро удобрены матом и заполнены сценами кровавого насилия и порнографии. Тиражи упали в десятки раз по сравнению с советским прошлым.

Другие снисходительно вещают в ответ, что с культурой всё в порядке, а с литературой – тем более. Доводы этих:

Только давно устаревшие и выкинутые на свалку истории апологеты романтизма могли писать свои слащавые романы под лозунгом «Принцессы не какают!». Мы-то с вами прекрасно знаем, каковы эти принцессы на самом деле! Папа-раци не зря едят свой хлеб. Литература стремительно развивается, её язык всё более становится народным, а раз на-

род у нас общается повсеместно и исключительно матом, то, стало быть, мат – неотъемлемая часть русского языка, и употреблять его в своих произведениях современные авторы просто обязаны. Ну, а насилие и секс – это тоже наши будни. Писатели не могут и не должны игнорировать правду жизни. Реализм, так сказать, во всей красе! Что же касается заплонивших книжные прилавки боевиков, любовных романов и «сказок для взрослых» (фэнтези), то и тут никакой беды нет. А совсем даже наоборот! У народа тяжёлая жизнь, и литература взяла на себя благородную миссию, стараясь развлечь людей, увести их от серых будней в яркую сказку. И народ рублём подтверждает правильность выбранной издателями политики.

Я всегда был сторонником первой группы, но сейчас, когда пыл очередной такой дискуссии несколько угас, неожиданно задумался: а действительно ли русская культура гибнет? И с удивлением понял: ничего подобного! Русская культура (как и все прочие) определяется не развлекательным ширпотребом, а шедеврами мысли и искусства. Именно шедевры, созданные для культурной элиты, остаются жить в веках, а всё прочее общенародное чтиво бесследно исчезает.

Сейчас некоторые бросятся обвинять меня в том, что я разделил народ на элиту и быдло. Не торопитесь. Я никого не собираюсь оскорблять или превозносить. Советская эпоха декларативного равенства осталась позади. Все люди –

разные. И по положению в обществе и по интеллектуальному развитию. Оставим социальную и материальную сферы за скобками. Поговорим о культуре.

Всегда, во все времена в огромной массе простого народа была, есть и будет небольшая прослойка интеллектуальной элиты. Именно она порождает и потребляет элитарное искусство. Изначально любой нормальный человек может стать частью элиты, если ему удастся соответствующе развить свой интеллект и культуру. Достаточно привести в пример древнегреческого раба Эзопа и нашего русского мужика Михайлу Ломоносова. Они оба, несмотря на неблагоприятные стартовые условия, в итоге смогли занять достойные места в рядах культурных элит своих народов, причём в высшей категории творцов! Рождение в аристократической или просто богатой семье облегчает старт, но не гарантирует финиш. Всё зависит от самого человека. Не каждый, конечно, может стать творцом. Но любой может постараться развить свои культуру и разум и войти в ряды интеллектуальной элиты. Даже оставаясь далеко за пределами социальной. Это, конечно, очень трудно, но вполне возможно. Тем более, сейчас, в эпоху всеобщей грамотности и интернета.

Элитарное искусство многослойно и требует от своего потребителя высокого уровня развития и немалого багажа знаний. Оно наполнено идеями и так называемыми аллюзиями, разглядеть, а тем более понять которые способен далеко не каждый представитель той же элиты. Просто в силу то-

го, что человек не может знать всё то, что известно автору, на что тот опирался в своём творчестве. Поэтому элитарные произведения всегда вызывают споры и дискуссии. Перечитывая такие книги, люди каждый раз находят в, казалось бы, досконально известном им тексте, новые откровения и повороты. Ничего подобного нет и не может быть в развлекательном чтиве. Просто потому, что у чтива изначально совершенно иная задача. Оно воздействует на чувства, а не на разум, и посему доступно любому мало-мальски грамотному потребителю.

Возьмём, к примеру, русскую литературу. Она изначально была уделом и игрушкой избранной элиты русского общества. Церковную литературу по понятным причинам я тут не рассматриваю. Народ был неграмотен, и, соответственно, писатели и поэты адресовали свои произведения небольшой группе образованной части русского общества. Кроме того, со времени правления Петра Первого представители высшего русского общества всё больше разговаривали между собою на иностранных языках, оставляя русский исключительно для общения с прислугой и народом. Таким образом, две части русского общества всё более отдалялись друг от друга, говорили на разных языках. Разумеется, не нужно понимать меня буквально! Элита знала русский язык гораздо лучше простого народа. Речь о приоритетах общения. Вспомним роман Льва Толстого «Война и мир». Там многие страницы диалогов русской знати целиком написаны на француз-

ском языке. Читатели, которым был адресован роман, прекрасно знали французский язык. Толстой писал не для народа! То же самое можно сказать и о всех прочих классиках русской литературы досоветского периода. Так что у элиты была своя литература, выросшая на лучших образцах европейской поэзии и прозы.

А как же тогда жил народ? В темноте и бескультурье? Нет, конечно! У народа была и есть своя культура: песни, сказки, частушки, поговорки, былины и т.п., и т. д. Фольклор. Собственно, такая же ситуация сложилась и у других народов, русский тут вовсе не исключение. Совокупность народных и элитарных шедевров и составляет национальную культуру. Но при этом каждая составляющая мнит себя главной!

Когда количество грамотных среди народа стало возрастать, появился и пласт «литературы для народа». Спрос, как известно, рождает предложение. Разумеется, это была и остаётся поныне чисто развлекательная литература, лишённая каких-либо философских мыслей или идей. Рядом с элитарной литературой идей, возбуждавшей каждым своим произведением жаркие споры между читателями, всё более разрастался поток «литературной жвачки», призванный развлечь, а не увлечь. Элита обсуждала проблемы общества, поднятые в романах Тургенева, Толстого, Чернышевского, Достоевского, а простой народ зачитывался дешёвыми книжонками о любовных страстях и приключениях. Литераторы обоих направлений взяли на вооружение созданный Пуш-

киным язык, максимально приближенный к разговорному, но ни о каком культурном сближении народа и элиты речь не шла.

Мало обучить народ грамоте. Это только первый шаг на долгом пути повышения культуры. Нужно ещё дать людям научные и философские знания, расширить их кругозор, приобщить и к собственным, и к зарубежным источникам знаний, а вот этого-то как раз элита делать не хотела. Были, конечно, энтузиасты, которые «шли в народ», организовывали школы для крестьянских детей и т. п. Расцвет типографского дела в России и появление целой индустрии дешёвых книжек «для народа» тоже сыграли свою роль. Лев Толстой сам перевёл «французские страницы» своего романа, чтобы он стал доступен не только для русской элиты. Но тут нужен государственный, системный подход, а не утопические порывы одиночек. Поэтому разрыв культур сохранился. Они так и существуют параллельно до сих пор, не смешиваясь, но оказывая влияние друг на друга.

Почему же периодически раздаются стенания о гибели русской культуры? Тут на мой взгляд существуют как минимум три причины.

Первая – это наличие в нашем недавнем прошлом советского периода, когда была предпринята реальная попытка насильно сблизить культуры народа и элиты. Но сделано это было, как и большинство начинаний советской эпохи, весьма неуклюже, так как нигде в мире ничего похожего ранее

не происходило. Не было исторического опыта, на который могли бы опереться советские экспериментаторы.

Да, первый шаг был успешно сделан: народ реально получил всеобщую среднюю грамотность и возможность дальнейшего культурного роста. С другой стороны, старая элита русской культуры была практически уничтожена или дискредитирована по политическим мотивам. А новая, почти лишённая корней, выросла из того же народа. То есть, движение снизу было, а вот сверху протянуть руку помощи было уже некому.

И всё же уровень общей культуры советского народа был гораздо выше, чем в царское время и ныне. В СССР в свободном доступе оставались лучшие образцы русской и зарубежной литературы. Русская классика входила в школьную программу, по ней снимались фильмы, ставились спектакли. Одним словом, государство оставило «маяки», к которым нужно тянуться, и решительно пресекало любые явления, ведущие, по его мнению, к деградации. Да, многие книги тогда были дефицитом, но, возможно, именно это обстоятельство подвигало читателей на их поиск и прочтение. Однако классика была в обязательном порядке в каждой публичной библиотеке, издавалась многотысячными и даже миллионными тиражами. Книги не просто читали – их обсуждали! Сейчас никто ничего не ищет, а обсуждения свелись к банальным «понравилось» или «не понравилось». Обсуждать, собственно, и нечего. Отсюда и ощущение всеобщего упадка

и разрушения культуры.

Вторая причина – непомерное разбухание объёма развлекательного чтения. Грамотных стало больше, а культурных меньше. Потому как с крахом советской школы и роспуском молодёжных организаций о повышении культуры народа никто больше не заботится. Ну, а если за растением не ухаживать, оно завянет.

Третья причина – власть фактически смотрит сквозь пальцы на внедрение нынешними «экспериментаторами» ненормативной лексики в литературу, театр и кино. Да, на государственных каналах телевидения и в других СМИ цензура мат отсекает. Но разве литература, театр и кино находятся вне государственных интересов и влияния? Разве они вне русской культуры, о повышении или хотя бы сохранении которой должно заботиться государство? Когда в ходу двойные стандарты, они сразу же перестают быть таковыми, а потому легко нарушаются и становятся предметом насмешек.

Пресловутый лозунг «Мат – часть русского языка» стал индульгенцией для нынешних «деятелей искусства». «Народ так говорит!» – заявляют они. Ну и что? Во-первых, не весь народ. Во-вторых, не всегда и не везде. В-третьих, народ ещё и водку пьёт, и морды бьёт. Это беда народа, его болезнь, а не достоинство. С бедой надо бороться, болезнь лечить, а не культивировать их. Да, принцессы тоже какают, но интересны они вовсе не этим. Раньше, в советские времена, детские сады, школы, пионерские и комсомольские ор-

ганизации были призваны воспитывать детей – будущий народ. Они объясняли, «что такое хорошо, а что такое плохо». С этого начиналась для детей официальная культура. Личная культура всегда начинается и заканчивается в семье.

Хочу задать вопрос. Чего вы сами хотите: чтобы ваши дети стали лучше, культурнее вас, или чтобы они начали пить водку, изъясняться исключительно матом и считать верхом искусства похабные анекдоты? В каком обществе вы сами хотите жить? Думаете, Пушкин, Достоевский или Горький не знали мата? Конечно, знали! Но прекрасно обошлись без него в своих произведениях, стали классиками русской литературы. Потому что они были настоящими деятелями культуры. Деятелями! Делали культуру, а не разрушали её. Нынешние апологеты мата просто плохо знают русский язык. Им не хватает словарного запаса, вот они и сбиваются на лёгкий путь матерщины. Есть, конечно, и сознательно спекулирующие на низменных вкусах и инстинктах толпы. С настоящей культурой подобные поделки не имеют ничего общего.

Почему мы называем Александра Пушкина «наше всё»? Потому что Пушкин постарался преодолеть пропасть между элитарной и народной культурами. Он фактически создал современный литературный язык, на котором до сих пор старается говорить и писать русская культурная элита. Ссылки Пушкина в деревню, где поэт был надолго оторван от литературной среды и был вынужден общаться только с крестьянами, слушать их рассказы и сказки своей няни – всё это

подвигло поэта на эксперименты с языком. Пушкин постарался сблизить элиту и народ, но сделал это весьма осторожно, а не так, как пытаются делать нынешние «экспериментаторы». Пушкин убрал «высокий штиль» элиты, но не опустил до простонародной безграмотности. У него не может быть ситуации, когда конюх говорит, как князь, а княгиня скандалит, как кухарка. У каждого персонажа, представителя русского общества, свой язык, а вот речь автора обязана быть абсолютно грамотной, если, конечно, он сам не является персонажем произведения. Пушкин старается поднять народную культуру, а не опустить собственную, элитарную. В этом заключена определяющая разница между ним и нынешними «экспериментаторами», старающимися писать так, «как говорит народ». Поэтому Пушкин – наше всё! А нынешние бесследно сгинут. Русская культура будет развиваться и расти за счёт тех, кто тянет народ вверх, а не старается зафиксировать его в положении безграмотности и нищеты духа.

Мы знаем Гомера как автора двух великих поэм: «Илиады» и «Одиссеи». Ещё мы знаем, что Гомер был слепым, и, следовательно, просто не мог столь красочно и подробно описывать природу, внешность героев и их доспехи. Из этого факта некоторые исследователи даже выводят отрицание авторства Гомера. На мой взгляд данное противоречие вполне объяснимо. Вспомним всё того же Пушкина с его прекрасными сказками о Золотом Петушке, царе Салтане и т. д. Ни-

кто не сомневается в авторстве Пушкина, хотя всем известно, что сказки-то ему рассказывала его няня, та самая Арина Родионовна, воспетая самим поэтом. Пушкин переложил на стихи народные сказки и с тех пор по праву считается их автором. Точно такая же ситуация вполне могла быть и у Гомера. Певец не мог видеть описываемые события, но он наверняка о них слышал из уст окружающих и преобразовал услышанное в поэмы, а кто-то эти поэмы позднее записал, указав автором Гомера.

Вот так сошлись два мира: народный и литературный. В Древней Греции и крепостнической России. После Пушкина многие образованные люди старались сблизить эти два мира. Ходили «в народ», записывали сказки, песни, пословицы. Так дошли до наших дней русские сказки, собранные, например, А.Н.Афанасьевым и А.Н.Толстым. И ни тот, ни другой даже не попытались приписать их авторство себе, хотя наверняка и произвели необходимую литературную обработку текстов.

Ведь что значит «сочинил народ»? Только то, что автор не смог записать созданное им произведение из-за неграмотности или по какой-либо иной причине. Даже сейчас, в пору всеобщей грамотности, когда любой может «застолбить» собственное авторство, эта проблема всё же остаётся. Существуют прекрасные рассказчики, что называется – «душа общества». Но когда они садятся за стол и пытаются записать собственные рассказы, то не могут связать двух слов!

Так и уходят их устные творения «в народ», пока на их пути не встретятся очередные гомеры или пушкины. И тогда «народное» обретёт своего нового автора, а два параллельных мира вновь сольются, обогатив общую культуру.

Я к чему делаю такие, казалось бы, выходящие за пределы обсуждаемой темы отступления? Для того, чтобы вы поняли причины, по которым я уже не могу однозначно примкнуть ни к одной из сторон этого давнего спора. Да, с культурой у нас ныне далеко не всё в порядке, но в то же время я не могу согласиться с тем, что она гибнет!

Культура развивается. Начатый Пушкиным процесс сближения элитарного с народным, насильно ускоренный и расширенный в СССР, вновь войдёт в естественное русло. Да, сейчас он переживает, как это всегда бывает в динамических системах, резкий откат назад, но постепенно «маятник» стабилизируется.

Посмотрите: кто кричит о крахе? Разумеется, представители и любители элитарной составляющей русской культуры. Эти крики начались не вчера. Им не первая сотня лет! Когда в России практически не было собственной литературы, и печатались только церковные тексты, элита была вынуждена довольствоваться книгами зарубежных авторов. Она выросла на них. Европейская литература оказала огромное влияние на русских писателей. Настолько огромное, что Ивана Лажечникова называли русским Вальтером Скоттом, а Михаил Лермонтов даже был вынужден написать широ-

ко известные строки: «нет, я не Байрон, я – другой». Только в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков русская литература добилась равноправного и достойного положения в мировой. В Европе её даже называют чудом. Вот только что никакой русской литературы не было, и вдруг она возникает мощным потоком и оказывает огромное влияние на мировую литературу, а потом столь же внезапно исчезает. И ныне опять её не видать.

Конечно, элите обидно. Где нынешние пушкины, чеховы, толстые и Достоевские? Караул! Культура гибнет! Успокойтесь, господа и дамы. Количество гениев на столетие в среднем неизменно. Они есть и сейчас, но возможно заняты не литературой, а бизнесом, политикой или спиваются в заброшенной деревушке. Чтобы талант раскрылся, нужны благоприятные условия и усилия самого носителя этого таланта. Даже если нынешний Достоевский что-то и пишет, то издателям его творения не нужны. А критики, которые могли бы его отыскать и указать перстом на нового гения русской словесности, заняты не поиском талантов или разгромом бездарей, а рекламой читива. Им нужно содержать семьи и кушать самим. За критику сейчас не платят, а вот реклама читива в цене!

И развлекательное читиво, как бы ни воротили от него нос снобы, не вчера родилось. Оно было в ходу и в среде той же элиты, когда о грамотности простого народа никто и не помышлял. Те же любовные «французские романы», которыми

зачитывались девушки и дамы, например. А чем так уж сильно отличается от нынешнего приключенческого или фэнтезийного романов бывший когда-то столь популярным в среде элиты «рыцарский роман»? Людям действительно хочется иногда просто развлечься. Ничего постыдного в таком желании нет. А раз есть желание и спрос на его удовлетворение, то...

Вопрос исключительно в качестве развлекательного чтения, а вовсе не в его количестве. Если качество рассчитано на непритязательный вкус малокультурной толпы, то вполне естественно, что элита считает себя ущемлённой и начинает возмущаться падением уровня культуры. Издатели, конечно, иногда пытаются заполнить возникший дефицит элитарного чтения, вбрасывая на прилавки книги Пелевина, Акунина и им подобных. Но издавать чтение для толпы гораздо проще и выгодней в наше время культурного отката. «Народные» тиражи всегда превышали и превышают «элитарные».

Итак, мой вывод.

Русская литература не может погибнуть. Она уже состоялась! Это не сию моментное явление. Русский фольклор и русская классика никуда не делась. Они навсегда останутся в мировой культуре. Обогаются ли они новыми именами и произведениями? Несомненно! Довольно скоро алчные издатели утратят свою власть. Уже сейчас электронные публикации всё более теснят бумажные издания. Пресловутая

«борьба с пиратством» – на самом деле судорожные попытки коммерсантов от культуры удержать в своих руках власть и доходы. Сами писатели, как и во времена Пушкина, оставившего после своей смерти огромные долги, практически не могут прожить на свои гонорары. За исключением весьма немногочисленной горстки производителей именно коммерческого развлекательного чтива. Нынешним пушкиным и достоевским больше нет необходимости обивать пороги издательств. Всего лишь нужны новые белинские, которые могли бы отыскать их произведения в электронной бездне интернета и указать взыскующим новых гениев русской словесности. Всего лишь...

ФАНТАСТИКА – ОСНОВА ЛИТЕРАТУРЫ

Как только появились первые творцы литературных произведений, тут же возникли и те, кого ныне называют литературоведами. Эти люди самовольно наделили себя правом разрабатывать некие каноны и правила и начали объяснять писателям, что именно те создали: рассказ, поэму, роман, сонет и т.д., и т. п. Самим писателям, разумеется, все эти литературоведческие потуги регламентировать их творчество абсолютно не нужны и малоинтересны. Тем не менее, литературоведы научились прекрасно существовать, невзирая на желание и мнение тех, чьё творчество они комментируют. Более того, часть из них, назвавшись критиками, начали указывать писателям, что те сделали не так, какие литературные правила нарушили, и о чём на самом деле написали!

Чем больше развивалась литература, тем большую власть захватывали литературоведы. В конце XIX – начале XX веков они попытались проглотить больше, чем могут переварить. Процесс переваривания длится по сей день, и конца ему не видно. Что же произошло? Под влиянием научно-технического прогресса и сопутствующего ему значительного падения веры в чудеса литературоведы решили разделить литературу на фантастику и реализм. То есть они фактиче-

ски попытались отделить часть литературы от её основы и, конечно же, ничего хорошего из этого не вышло. Почему? Да потому что прежде чем что-либо разделить, требуется чётко определить, в чём состоит различие составных частей.

Чем же фантастика отличается от реализма? Вот уже более ста лет литературоведы стараются ответить на этот вопрос, изобрели массу терминов, определений и трактовок, но так и не выработали общепринятого определения, что же такое фантастика – жанр, направление, художественный метод, разновидность, вид или род литературы? Единственное, что можно утверждать без колебаний и сомнений – ныне русское слово «*фантастика*» происходит от греческого «*phantastike*», в переводе означающего «*искусство воображать*».

Но ведь и в основе реализма тоже лежит воображение писателя! Писатель использует воображение для создания сюжетов и персонажей. В реальности Анна Каренина или братья Карамазовы вряд ли существовали, а если и были какие-то прототипы, то их жизнь и судьба наверняка отличались от описанных в романе. Таким образом, можно утверждать, что вся художественная литература, по сути, является фантастикой!

Но кроме художественной литературы есть ещё и документальная: например, летописи, мемуары. Однако, существует и выражение «врёт, как очевидец». Потому что одно и то же событие разные люди воспринимают и описывают

по-разному, и, следовательно, дают искажённую, а не точную картину. То бишь, фантазируют на тему.

Приведу пример из собственной жизни. Одно время я работал на заводе в структуре, занимавшейся ремонтом электрической части станков. Когда в одном из цехов ломался станок, энергетик цеха звонил в наше бюро, и кто-то из свободных в данный момент сотрудников отправлялся устранять поломку. Когда начальник бюро посылал на вызов меня, я брал приборы и инструменты и шёл в цех. Там я брал в помощь местного электрика (работать в одиночку запрещают правила электробезопасности), раскрывал электрическую схему станка и старался понять, авария в какой из цепей управления может привести к тому сбою в работе, на который жалуется станочник. Устранив неисправность, я уходил. Таким образом, меня видели в цеху всего три человека: станочник, электрик и энергетик цеха. Последнему я сообщал, что ремонт закончен, и станок уже работает.

Вместе со мной в бюро ремонта станков работал парень по имени Гена Якутов. Он не очень любил ломать голову над электросхемами. Придя в цех, Гена вместе с местным электриком начинал просто тупо проверять на целостность все электроцепи станка и прозванивать их на предмет пробоя на землю. А так как цепей этих много, работа затягивалась. А современный завод – это огромный конвейер. Остановка одного станка вскоре приводит к простоям всех прочих в технологической цепочке обработки детали. То есть, вста-

ёт пролёт, потом цех, потом следующий цех и так далее.

Вскоре рядом с Геной собирается немалая толпа начальства: энергетик цеха, мастер участка, заместитель начальника цеха по оборудованию, начальник цеха, заместитель главного энергетика завода, и т.д., и т.п., вплоть до заместителя главного инженера завода. Всё это начальство, конечно, появляется рядом с Геной не одновременно, а чем дольше длится ремонт, тем более высокий чин прибегает. И все эти начальники видят, как Гена в поте лица вкалывает, стараясь устранить поломку станка. В конце концов, «методом тыка» обнаруживается неисправная цепь, а в ней отказавший элемент, и вот, наконец, станок заработал. Все начальники вздыхают с облегчением и расходятся по своим рабочим кабинетам. А Гене Якутову регулярно выписывается премия за хорошую работу.

К чему я это всё рассказываю? Когда я увольнялся, главный энергетик, в чьём подчинении было наше бюро, никак не мог понять, почему мой непосредственный начальник не желает меня отпускать.

– Чего ты за него держишься? – спросил он. – Я этого Калабухина совершенно не знаю. Вот Якутов – это да, замечательный работник! Его я прекрасно знаю, не раз видел, как он работает. А кто такой Калабухин? Кто его знает? Кто видел, как он работает?

А теперь представьте, что напишет в своих мемуарах тот главный энергетик завода обо мне и Гене. И что самое про-

тивное – он будет полностью уверен, что написал только правду, ни в чём не ошибся и не соврал. Вот такая «документальность» мемуаров, вот такой реализм!

То же самое можно сказать в адрес летописцев и историков. Возьмём, к примеру, Троянскую войну, произошедшую на рубеже XIII – XII веков до нашей эры и столь красочно и подробно описанную Гомером в «Илиаде». В тот период Троя представляла собой поселение, площадью свыше 200 тыс. м² и населением от шести до десяти тысяч жителей. Греки осаждали Трою ДЕСЯТЬ лет, и когда та, наконец, пала, они в ярости часть троянцев уничтожили, уцелевших превратили в рабов, а город предали огню и разгрому. На эту тему написана масса книг, снято несколько фильмов, и каждому образованному человеку известны такие имена как Агамемнон, Одиссей, Менелай, Ахилл, Патрокл, Парис, Гектор, Кассандра, Елена Прекрасная и т. п.

А через тысячу лет после разрушения Трои аналогичная история произошла во время Третьей Пунической войны между Карфагеном и Римом. Осада Карфагена длилась ТРИ года. И это при том, что население Карфагена по разным оценкам составляло в ту пору от пятисот до семисот тысяч человек, а сам город занимал площадь около двадцати квадратных километров! Сравните масштабы Трои и Карфагена и длительность войн. Либо греки воевали хуже римлян, либо троянцы защищались лучше карфагенян. Словом, в 146 году до нашей эры римляне, наконец, прорвали оборону Кар-

фагена и ворвались в город. Уличные бои продолжались ещё неделю. Из жителей Карфагена в живых осталось около пятидесяти тысяч человек, все они были обращены в рабство. Римляне подожгли город, и тот горел шестнадцать суток! Затем Карфаген был буквально стёрт с лица земли, а его территория распахана и засеяна солью, чтобы ничто живое не выросло на этой проклятой римлянами земле.

А теперь назовите имена героев Третьей Пунической войны. Не можете? А ведь она гораздо масштабнее и на целую тысячу лет ближе к нам, чем Троянская. Единственное, что связывает нас с теми событиями – это фраза «*Карфаген должен быть разрушен!*», но я сомневаюсь, что многие из наших современников могут назвать имя римского сенатора, которому этот военный клич принадлежит.

Почему же мы так мало знаем об осаде Карфагена? Неужели у римлян не нашлось своего Гомера? Нет, причина в другом: Рим пожелал стереть с лица земли не только город и его жителей, но и саму память о нём. Была уничтожена вся литература Карфагена, за исключением одного трактата о сельском хозяйстве, написанного Магоном, тот был сохранён *по специальному постановлению римского сената* с целью дальнейшего перевода на латинский язык! Историю, как известно, пишут (и переписывают) победители. И как, зная это, можно доверять хроникам и летописям? Каков в них процент реализма?

Однако, как говорится, вернёмся к нашим баранам.

Конечно, воображение воображению рознь. Фантазии писателя-реалиста не выходят за пределы известного нам мира. Его персонажи и сюжеты вполне могут существовать в реальности, даже если автор *«врёт, как очевидец»*. Поэтому единственным признаком, отличающим фантастику от реализма, является наличие в произведении *«фантастического допущения»*, то есть такого фактора, которого в реальности пока нет или вообще не может быть.

Практически все жанры и формы, существующие в реализме, имеются и в фантастике: проза, поэзия, драматургия, детектив, сатира, юмор, военные приключения, женская и детская литература, пародия, памфлет и т. д. А вот обратное утверждение неверно. Литературоведы выявили в фантастике следующие дополнительные жанры:

- *Футурологическая фантастика. Утопия, антиутопия, постапокалипсис.*
- *Миротворческая фантастика.*
- *Мистическая фантастика. Ужасы (хоррор).*
- *Фантасмагорическая фантастика.*
- *Космическая опера.*
- *Научная фантастика.*
- *Социальная фантастика.*
- *Киберпанк.*
- *ЛитRPG.*
- *Альтернативная история. Крптоистория.*
- *Фэнтези.*

Это далеко не полный список. Кроме того, существует мнение, что некоторые из вышеуказанных жанров не являются самостоятельными, а входят в массив *научной фантастики*. Это сугубо литературоведческие споры, я влезать в них не собираюсь и применяю слово «жанр», чтобы не грузить читателя иными терминами, о правильности употребления которых в том или ином случае спорят сами литературоведы. Пусть фантаствоведы сами отработывают свой хлеб и решают возникающие проблемы.

Писатели, как оказалось, не желают ограничивать свою фантазию какими-либо искусственными рамками и создают произведения, в которых смешивают разные жанры фантастики, что заставляет литературоведов ломать головы над определением новых жанров литературы.

Да и жизнь не стоит на месте, и то, что вчера было фантастикой, сегодня становится реальностью. К примеру, предсказанные фантастами подводные лодки, сотовая связь, роботы, компьютеры, телевидение, космические полёты и многое другое сейчас стали обыденностью. К чему же теперь относить произведения, в которых они описаны: к фантастике или реализму? Основной признак фантастики фактически исчез!

Литературоведы нашли следующий выход. Они заявили, что фантастика – это не только жанр, но и метод. То есть, если писатель вводит в произведение некое допущение, которое, по мнению его современников и сограждан, не могло

существовать в то время и в том месте, то перед читателем – фантастическое допущение, и, соответственно, фантастика. Таким образом, роман Жюль Верна о приключениях капитана Нэмо на подводной лодке «Наутилус» и сегодня остаётся научно-фантастическим, несмотря на то, что подводные лодки уже давным-давно существуют в реальности. Следуя этой же логике, «Илиада» и «Одиссея» Гомера – реализм! Потому что древние греки и сам Гомер верили в существование олимпийских богов и всяческих чудовищ вроде кентавров, циклопов и сирен. То есть, любое произведение нужно рассматривать в контексте реалий того времени, в которое оно создавалось.

Казалось бы, вот оно – найдено, наконец, чёткое определение, что в литературе следует относить к жанру *«фантастика»*. Однако, это определение работает только в пределах *«научной фантастики»*. Да и то не всегда. Ни писатель, ни литературовед, ни читатель не могут в точности знать всех пределов, которых на момент написания какого-либо произведения достигла наука. Сами учёные, порой, этого не знают, так как результаты многих исследований по разным причинам долго остаются засекреченными. Да и невозможно, как говорится, объять необъятное! Видимо, поэтому в России в издательстве П. П. Сойкина с 1889 по 1917 год еженедельно выходил журнал «Природа и люди», на страницах которого печатали фантастические романы о полёте в космос, о мире микроорганизмов или о существовании

жизни на Марсе. И в этом же номере публиковались научно-популярные статьи о том, в какой мере все эти сюжеты соотносимы с фактами, установленными современной наукой. К сожалению, в дальнейшем подобная практика исчезла, что однажды привело к достаточно печальным и одновременно комическим последствиям.

Вечером 30 октября 1938 года, в канун «Дня всех святых», когда американцы отмечают традиционный праздник шуток и розыгрышей «Хэллоуин», артисты «Mercury Theatre» решили поставить в своей часовой радиопрограмме инсценировку романа писателя-фантаста Герберта Уэллса «Война миров», перенеся его действие в Нью-Джерси 1939 года. Передача началась с вполне прозаического дикторского текста:

– Дамы и господа! Радиовещательная корпорация «Колумбия» рада представить вам Орсона Уэллса и труппу «Меркьюри-театра на открытом воздухе» в инсценировке романа Герберта Джорджа Уэллса «Война миров».

Сразу же после этого радиослушатели услышали сообщение о погоде на завтра, затем начался концерт лёгкой музыки. Многие радиослушатели уже позабыли о только что объявленной инсценировке и не могли и предположить, что передача идёт в её рамках.

Внезапно концерт был прерван, и диктор объявил, что из обсерватории в Принстоне профессор-астроном Ричард Пирсон (озвучен Орсоном Уэллсом) только что сообщил

о чрезвычайно странных ярких вспышках на поверхности Марса. Прерванный концерт возобновился. Но вскоре его снова прервали сообщением, что, по словам астронома, от Марса в сторону земли движется какое-то крупное тело. Возобновившийся концерт стал прерываться всё чаще, сообщения следовали всё сенсационнее. Многие радиослушатели теперь уже не обращали на музыку внимания, а с нетерпением ждали очередной удивительной информации.

К передаче подключился «собственный корреспондент» радиовещательной корпорации «Си-Би-Эс», который срывающимся от волнения голосом поведал о падении близ деревни Гроверс-Милл, что в восьми километрах от Принстона, гигантского метеорита с Марса. Следующее сообщение он передавал уже с места происшествия, описывая радиослушателям увиденный им громадный кратер, массовые человеческие жертвы и толпы любопытных, которых разгоняла полиция. Тут же последовало интервью с фермером, на чьё поле упал метеорит. Со слезами в голосе фермер вещал о пропавшем урожае, погибшем скоте и убитых соседях.

Внезапно снова зазвучал срывающийся голос репортёра. Оказалось, что метеорит – это громадный металлический цилиндр, у которого начала медленно подниматься массивная крышка. Радиослушатели затаили дыхание. А репортёр передавал, что из-под поднявшейся крышки показались странные существа, которые стали спускаться на землю и вытаскивать из цилиндра непонятное оборудование, оказавше-

еся в дальнейшем оружием небывалой разрушительной силы. Действие этого оружия было марсианами незамедлительно продемонстрировано, их «лучи смерти» буквально испепеляли всё вокруг.

Тут же последовала информация, что власти немедленно стянули к Гроверс-Милл регулярные войска и окружили место падения цилиндра марсиан. Репортёр сразу же взял интервью у солдата из оцепления, затем в разговор включился профессор-астроном, которого перебил офицер, командующий прибывшим подразделением, потребовавший срочно освободить территорию, где могут начаться боевые действия с марсианами.

Напряжение нарастало. Радиослушатели воспринимали всё как реальность. А тут ещё по радио с обращением к населению выступил министр внутренних дел, призывавший к спокойствию и уверявший, что армия и полиция всё контролируют.

Новый репортаж с места события буквально поверг людей в шок. Марсиане применили своё оружие, испепелив армейское оцепление, а затем и деревню. «Убегая» от наступающих марсиан, репортёр успевал описывать забитые беженцами дороги, горящие дома, обезображенные трупы. И всё это на фоне ужасного скрежета, воя и взрывов.

Внезапно эфир наполнился только грохотом взрывов, а когда наступило затишье, чей-то голос произнёс:

– Эй, есть тут кто-нибудь? Есть тут...

Радиоприёмники замолчали. Молчали они не долго, затем послышалось очередное выступление профессора, какие-то интервью, но их слушать уже было некому. Людей охватила паника. Приняв всё за реальность, люди бились в истерике, выпрыгивали из окон, хватали первое попавшееся под руки и выбегали из домов. Дороги забились массы машин, которые неслись, не соблюдая правил. У людей было одно желание – спрятаться, убежать от того ужаса, который несут марсиане.

В госучреждениях, полицейских участках, больницах не переставая звонили телефоны, люди умоляли спасти их. Правда, были и воинственные требования: открыть арсеналы и раздать народу оружие, срочно минировать дороги на пути следования марсиан и даже направить на них лётчиков-смертников на наполненных взрывчаткой самолётах. Впоследствии телефонные компании отметят, что линии в эту ночь были нагружены впятеро больше обычного. Пробки из Нью-Йорка, Трентона и Филадельфии растянулись почти на 100 км.

Появились и свидетели, которые заявляли, что своими глазами видели все бесчинства марсиан и буквально чудом избежали смерти. Их красочные описания только подогревали панику. Люди утверждали, что видели молниеобразные залпы «лучей смерти» пришельцев и чувствовали запах их отравляющих газов.

Радиопостановку слушали и на Западном побережье. В её кульминационный момент вышла из строя электростанция

городка Конкрет в штате Вашингтон; жители Конкрета не сомневались, что линии электропередачи уничтожены наступающими марсианами.

Примерно через сорок минут после начала постановки диктор напомнил о вымышленности описываемых событий. Затем профессор Пирсон описал завершение атаки пришельцев, которых погубило отсутствие иммунитета к земным бактериям. В конце часа Уэллс вышел из образа профессора Пирсона и поздравил слушателей с Хэллоуином.

По сообщениям газет, постановку слушали около шести миллионов человек, и примерно пятая часть из них приняла её за реальные новостные репортажи. Многие или не слышали начало программы с предупреждением о вымышленности событий, либо забыли про него после начала концерта.

Когда слушатели радиопостановки узнали о розыгрыше, их страх сменился гневом. Многие из них подали в суд на радиовещательную корпорацию «Си-Би-Эс», требуя компенсацию морального вреда. Все иски были отклонены, но Орсон Уэллс настоял на компенсации материального вреда мужчине, который испортил свои новые туфли, убегая от марсиан.

Между прочим, в то время Герберт Уэллс уже давно и прочно считался писателем-фантастом, а написанные им книги у литературоведов являлись и являются до сих пор образцами жанра *«научная фантастика»*. А для довольно большой группы американских радиослушателей 1938 года,

очевидно, война с марсианскими пришельцами была вполне возможна и реальна!

И подобное разногласие между утверждениями литературоведов и мнением обычных людей, оказывается, далеко не единично. Всего лишь через десять лет после американского инцидента подобный же случай произошёл в Эквадоре. В феврале 1949 года газета «El Comercio» в Кито сообщила о замеченных над городом НЛО. Через несколько дней Леонардо Паэс и Эдуардо Алькарес поставили спектакль по Уэллсовской «Войне миров» на местной радиостанции. Полиция и пожарные выехали из Кито на место мнимой высадки марсиан. Когда розыгрыш был раскрыт, толпы разгневанных эквадорцев напали на радиостанцию и редакцию «El Comercio». Погибли шесть человек, включая племянника и возлюбленную Паэса, а сам он впоследствии эмигрировал в Венесуэлу.

Как видите, тезис литературоведов, что если писатель вводит в произведение некое допущение, которое, по мнению его современников и сограждан, не могло существовать в то время и в том месте, то перед читателем – фантастическое допущение, и, соответственно, фантастика, практически не работает. Кто-то верит в существование пришельцев, кто-то – нет, и, как сказал один персонаж известного советского фильма «Карнавальная ночь»:

– Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – науке не известно!

И как же тогда, уважаемые литературоведы, рассматривать произведения «*в контексте реалий того времени, в которое оно создавалось*»? Реалии-то, оказывается, далеко неоднозначны.

А ещё через несколько лет после вышеописанных событий в США и Эквадоре писатели преподнесли литературоведам очередной сюрприз в виде так называемого «*магического реализма*»! Что это за жанр? В произведениях магического реализма фантастическому допущению придаётся статус реального или даже обыденного явления. Как это реализуется на практике? В произведении сталкиваются два мировоззрения: европейское рациональное и, грубо говоря, дикарское языческое.

Допустим, местом действия произведения являются Африка. Для местных негров, живущих верованиями предков, наличие всяческих добрых и злых духов, языческих божков, магия шаманов – реальность, а для попавшего в эти места цивилизованного европейца – фантастика. И вот этот европеец становится свидетелем того, как реализуется нечто, что он считал невозможным, а местный абориген – обыденным. Допустим, засуха губит урожай. Шаман проводит магический ритуал, и над полем сгущаются невесть откуда взявшиеся тучи, и проливается долгожданный дождь. Причём, дождь идёт именно там, где он нужен, а за пределами поля с посевами по-прежнему стоит засуха. С точки зрения европейца произошло явное чудо, объяснить которое наука не мо-

жет. А местные туземцы иного результата от магии шамана и не ждали, для них пошедший дождь – закономерный результат, обыденная реальность.

Как быть с таким произведением литературоведов? С точки зрения европейца это – фантастика, а с точки зрения негра – реализм. Так куда же пристегнуть этот «*магический реализм*» – к фантастике или реализму? Очевидно, что старательно возводимую литературоведами границу между реализмом и фантастикой теперь чётко определить нельзя. Исчез тот единственный, пусть и спорный, критерий для отделения одного жанра от другого – пресловутое фантастическое допущение. Но тогда, простите, зачем был нужен весь этот геморрой с разделением литературы на фантастику и реализм? Кому и какая от этого польза? Кроме самих литературоведов, конечно.

Как ни странно, польза есть! Труд по классификации литературных жанров весьма востребован читателем, издателем и, конечно, библиотекарем. Книг сейчас пишется и издаётся столько, что без их классификации по жанрам читатель не смог бы найти те, что его интересуют, а издатель напечатать те, что наиболее востребованы и, соответственно, не только быстро окупятся, но и принесут прибыль.

Таким образом, труд литературоведов в конечном итоге оказался не напрасен. Он даже повлиял на творчество писателей. Не на всех, правда, а только на так называемых «коммерческих» писателей, которым более подходит зва-

ние ремесленника, а не творца. Издатель выясняет, какой жанр в данный момент наиболее популярен у читателя и даёт коммерческому писателю заказ на написание произведения именно в этом жанре. Более того, часто издатель прямо диктует писателю не только жанр, но и антураж произведения, приёмы построения сюжета и характеристики персонажей. Так возникло понятие «*формат*», не имеющее к литературоведению никакого отношения. Произведение, не подходящее по своим параметрам к какому-либо устоявшемуся «*формату*», имеет мало шансов на публикацию.

Зато автор «*неформата*» не ограничен какими-либо искусственными рамками, то есть – он свободен в своём творчестве и не подвластен ни формату издателя, ни капризам читателя, ни диктату литературоведа. Так было, есть и будет, и литература от этого только выигрывает. Потому что рамки ведут к стагнации, формат – к вырождению, диктатура убивает фантазию, и только свобода творчества и ломка стереотипов способствуют развитию.

Литературоведы всё ещё пытаются загнать писателя в рамки, но на самом деле литература бывает только двух жанров: хорошая и плохая. Делить её на фантастику и реализм, на мой взгляд, бессмысленно. Ведь фантастика лежит в основе любого творчества, и реализм тут не является исключением.

ОБЛОМОВЩИНА – ПОСТРОЕНИЕ РАЯ

*– Куда мы катимся?
– Вот именно! С одной стороны – небывалый
технический прогресс, с другой – небывалое
духовное убожество.
Маргарет Брентон «Жемчуг проклятых»*

Сколько существует человек, столько же существует его мечта о счастье. Менялось человеческое общество, и вместе с ним менялось и представление о том, что же такое счастье. Разумеется, реальность и мечта никогда не совпадали. Даже во времена так называемого Золотого века. Древние греки мечтали о пасторальной Аркадии. Поклонявшиеся Золотому Тельцу евреи оставили смутные описания страны Офир, из которой библейский царь Соломон якобы возил груды золота. Модернизировавшие иудаизм христиане мечтали о золоте Эльдorado. Приняв христианство, Европа, а за ней и обе Америки на деле стали вслед за евреями поклоняться Золотому Тельцу. Золото, нажива, личное обогащение стали истинной религией так называемого Запада.

На Руси, несмотря на принятие христианства, а может и вопреки ему, душа человека всегда ставилась выше тела, то есть – материального благополучия. В этом и есть та самая

«загадка русской души», которую никак не могут разгадать западные поклонники Золотого Тельца. Сотни лет Запад пытается «просветить» Русь, навязать ей свои понятия о счастье и смысле жизни. Немцы даже переписали нашу историю, объявив славян дикарями, убедили нашу элиту, что всё лучшее в этой жизни возможно только на Западе. Царь Пётр Первый, прозванный в народе «Антихристом», всю свою жизнь посвятил переделыванию России на западный манер. Собственно, все российские императоры из династии Романовых от первого до последнего действовали в этом направлении. Были времена, когда русская элита полностью отделяла себя от народа, презирала родной язык, предпочитая общаться на немецком или французском. В пьесе Александра Грибоедова «Горе от ума» Чацкий возмущается:

*«...Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал – и нашёл, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. – Посмотришь, вечером
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...*

Умолк. И тут со всех сторон

Тоска, и оханье, и стон.

*Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержён».*

Конечно же, в первую очередь удар Запада был направлен на нашу национальную культуру, на душу русского народа. Народ выдержал удар, а вот правящая верхушка и часть интеллигенции нет. В русской литературе это ярко выразилось в войне «западников» и «славянофилов». Учитывая, что Романовы были убеждёнными западниками, имена и книги славянофилов малоизвестны русскому народу. Но и «западники» не смогли до конца преодолеть собственную натуру. Поэтому вопрос, что же такое счастье, какой вариант жизни лучше – русский или западный – был и остаётся актуальным в России до сих пор. Его пытались решить практически все русские писатели, сталкивая на страницах своих произведений сторонников западного и русского образа жизни.

Классик русской литературы и, конечно же, явный западник Иван Гончаров посвятил этой проблеме все три своих романа, однако в каждом из них оставил открытый финал! В своей статье «Лучше поздно, чем никогда» он писал:

«Я... вижу не три романа, а один. Все они связаны одной общезю нитью, одною последовательною идеею – перехода от одной эпохи русской жизни, которую я переживал, к другой – и отражением их явлений в моих изоб-

ражениях, портретах, сценах, мелких явлениях и т. д.»

В романе «Обыкновенная история» Гончаров жёстко противопоставил два мировоззрения: русское, ставящее во главу угла духовные ценности (любовь, дружбу, бескорыстие), и западное, в котором целью жизни объявлен труд ради карьеры и личного обогащения. Сам Иван Гончаров явно на стороне западников, сторонник идеи, что Россия постоянно находится в застое, с которым все мыслящие люди обязаны бороться, дабы, как будет позднее модно выражаться, «догнать и перегнать» Запад. В вышеуказанной статье он прямо пишет об этом:

«И здесь – в встрече мягкого, избалованного ленью и барством мечтателя-племянника с практическим дядей – выразился намёк на мотив, который едва только начал разыгрываться в самом бойком центре – в Петербурге. Мотив этот – слабое мерцание сознания, необходимости труда, настоящего, не рутинного, а живого дела в борьбе с всероссийским застоем».

Два основных персонажа романа, Александр Адуев и его дядя Пётр Иванович, ведут непрерывную борьбу за право прожить жизнь согласно собственным идеалам. Каков был «представитель всероссийского застоя» Александр Адуев, когда приехал в Петербург из своего имения? Автор даёт подробный портрет:

«Ему было двадцать лет. Жизнь от пелён ему улыбалась; мать лелеяла и баловала его, как балуют един-

ственное чадо; нянька всё пела ему над колыбелью, что он будет ходить в золоте и не знать горя; профессоры твердили, что он пойдёт далеко, а по возвращении его домой ему улыбнулась дочь соседки.

О горе, слезах, бедствиях он знал только по слуху, как знают о какой-нибудь заразе, которая не обнаружилась, но глухо где-то таится в народе. От этого будущее представлялось ему в радужном свете. Его что-то манило вдаль, но что именно – он не знал. Там мелькали обольстительные призраки, но он не мог разглядеть их; слышались смешанные звуки – то голос славы, то любви: всё это приводило его в сладкий трепет.

Мечтал он и о пользе, которую принесёт отечеству. Он прилежно и многому учился. В аттестате его сказано было, что он знает с дюжину наук да с полдюжины древних и новых языков. Всего же более он мечтал о славе писателя. Стихи его удивляли товарищей. Перед ним расстилалось множество путей, и один казался лучше другого. Он не знал, на который броситься.

Гораздо более беды для него было в том, что мать его, при всей своей нежности, не могла дать ему настоящего взгляда на жизнь и не приготовила его на борьбу с тем, что ожидало его и ожидает всякого впереди. Но для этого нужно было искусную руку, тонкий ум и запас большой опытности, не ограниченной тесным деревенским горизонтом. Нужно было даже поменьше любить его,

не думать за него ежеминутно, не отводить от него каждую заботу и неприятность, не плакать и не страдать вместо его и в детстве, чтоб дать ему самому почувствовать приближение грозы, справиться с своими силами и подумать о своей судьбе – словом, узнать, что он мужчина».

Последний абзац явно показывает авторское отношение к этому персонажу и заранее предвещает его проигрыш в борьбе с «правильными» взглядами на жизнь его тридцатидевятилетнего дядюшки Петра Ивановича Адуева, столичного жителя, владельца стекольного и фарфорового завода, чиновника особых поручений при важной особе, человека трезвого ума и практического смысла. Каковы же эти взгляды?

При первой же встрече, дядя советует племяннику вернуться назад, в родовое имение.

«Право, лучше бы тебе остаться там. Прожил бы ты век свой славно: был бы там умнее всех, прослыл бы сочинителем и красноречивым человеком, верил бы в вечную и неизменную дружбу и любовь, в родство, счастье, женился бы и незаметно дожил бы до старости и в самом деле был бы по-своему счастлив; а по-здешнему ты счастлив не будешь: здесь все эти понятия надо перевернуть вверх дном».

То же самое, кстати, говорила Александру при расставании мать:

«Я не столько для себя самой, сколько для тебя же отговариваю. Зачем ты едешь? Искать счастья? Да разве тебе здесь нехорошо? разве мать день-деньской не думает о том, как бы угодить всем твоим прихотям?.. Что ты найдёшь в Петербурге? – продолжала она. – Ты думаешь, там тебе такое же житье будет, как здесь? Э, мой друг! Бог знает, чего насмотришься и натерпишься: и холод, и голод, и нужду – всё перенесёшь. Злых людей везде много, а добрых не скоро найдёшь. А почёт – что в деревне, что в столице – всё тот же почёт. Как не увидишь петербургского житья, так и покажется тебе, живучи здесь, что ты первый в мире; и во всём так, мой милый! Ты же воспитан, и ловок, и хорош. Мне бы, старухе, только оставалось радоваться, глядя на тебя. Женился бы, послал бы бог тебе деточек, а я бы нянчила их – и жил бы без горя, без забот, и прожил бы век свой мирно, тихо, никому бы не позавидовал; а там, может, и не будет хорошо, может, и помянешь слова мои...»

Но вернёмся к Петру Иванычу. Из его слов ясно видно, что он не верит в такие понятия как дружба, любовь, родство и счастье в общепринятом для глубинной России смысле, что для него и прочих столичных жителей эти понятия уже не столь важны и *«перевёрнуты вверх дном»*. В письме, которое Александр пишет другу, дядя диктует ему такие слова о себе:

«Дядя любит заниматься делом, что советует и мне, а я тебе: мы принадлежим к обществу, говорит он, которое нуждается в нас; занимаясь, он не забывает и себя: дело доставляет деньги, а деньги комфорт, который он очень любит.»

Дядя не всегда думает о службе да о заводе, он знает наизусть не одного Пушкина... Он читает на двух языках всё, что выходит замечательного по всем отраслям человеческих знаний, любит искусства, имеет прекрасную коллекцию картин фламандской школы – это его вкус, часто бывает в театре, но не суетится, не мечется, не ахает, не охает, думая, что это ребячество, что надо воздерживать себя, не навязывать никому своих впечатлений, потому, что до них никому нет надобности».

Работа и расчёт – вот два кита, на которых зиждется жизнь Петра Адуева. Все чувства полностью подчинены этим двум вещам.

«– По-вашему, и чувством надо управлять, как паром, – заметил Александр, – то выпустить немного, то вдруг остановить, открыть клапан или закрыть...»

– Да, этот клапан недаром природа дала человеку – это рассудок...»

Дядя поучает племянника:

«Вот ты бы выслужился, нажил бы трудами денег, выгодно женился бы, как большая часть... Не понимаю,

чего ещё? Долг исполнен, жизнь пройдена с честью, трудолюбиво – вот в чём счастье! по-моему, так».

Конечно, усилиями автора юноша-идеалист терпит крах во всём: в любви, в дружбе, в творчестве и в работе. Все мечты Александра разбиты.

«Вглядываясь в жизнь, вопрошая сердце, голову, он с ужасом видел, что ни там ни сям не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды: всё уже было назади; туман рассеялся; перед ним разостлалась, как степь, голая действительность. Боже! какое необозримое пространство! какой скучный безотрадный вид! Прошлое погибло, будущее уничтожено, счастья нет: всё химера – а живи!»

Но действительно ли это победа дяди и его учения? Да, Наденька – первая настоящая любовь юного Александра Адуева – внезапно полюбила другого. Но ведь это могло случиться (и случается!) с любым юношей вне зависимости от идеалов и убеждений последнего. Первая любовь очень часто заканчивается разрывом, а порой и трагедией. То, что в дружбе никакого краха не случилось, убеждает племянника сам дядя!

«Не выдавшись несколько лет, другой бы при встрече отвернулся от тебя, а он пригласил тебя к себе, и когда ты пришёл с кислой миной, он с участием расспрашивал, не нужно ли тебе чего, стал предлагать тебе услуги, помощь, и я уверен, что дал бы и денег – да! а в наш век

об этот пробный камень споткнётся не одно чувство... нет, ты познакомь меня с ним: он, я вижу, человек порядочный...»

Карьера Александра началась лучше, чем у дядюшки когда-то!

«Тебе решительно улыбается фортуна, – говорил Пётр Иванович племяннику. – Я сначала целый год без жалованья служил, а ты вдруг поступил на старший оклад; ведь это семьсот пятьдесят рублей, а с наградой тысяча будет. Прекрасно на первый случай! Начальник отделения хвалит тебя...»

Ты, Александр, должно быть, в сорочке родился. Я, наконец, начинаю надеяться, что из тебя что-нибудь и выйдет: скоро, может быть, не стану говорить тебе, зачем ты приезжал. Не прошло месяца, а уж со всех сторон так на тебя и льётся. Там тысяча рублей, да редактор обещал сто рублей в месяц за четыре печатных листа: это ведь две тысячи двести рублей! Нет, я не так начал!»

Через два года Александр Адуев вполне вписался в столичную жизнь:

«В службе заметили способности Александра и дали ему порядочное место. Иван Иванович и ему с почтением начал подносить свою табакерку, предчувствуя, что он, подобно множеству других, послужив, как он говаривал, без году неделю, обгонит его, сядет ему на шею и махнёт

в начальники отделения, а там, чего доброго, и в вице-директоры, как вон тот, или в директоры, как этот, а начинали свою служебную школу и тот и этот под его руководством...»

В творчестве Александр тоже начал хорошо, его стихи печатали журналы, не говоря уже о переводах научных статей.

«В редакции журнала Александр тоже сделался важным лицом. Он занимался и выбором, и переводом, и поправкою чужих статей, писал и сам разные теоретические взгляды о сельском хозяйстве. Денег у него, по его мнению, было больше, нежели сколько нужно, а по мнению дяди, ещё недовольно. Но не всегда он работал для денег. Он не отказывался от отрадной мысли о другом, высшем призвании. Юношеских его сил ставало на всё. Он крал время у сна, у службы и писал и стихи, и повести, и исторические очерки, и биографии. Дядя уж не обклеивал перегородок его сочинениями, а читал их молча, потом посвистывал или говорил: „Да! это лучше прежнего“. Несколько статей явилось под чужим именем. Александр с радостным трепетом прислушивался к одобрительному суду друзей, которых у него было множество и на службе, и по кондитерским, и в частных домах. Исполнялась его лучшая, после любви, мечта. Будущность обещала ему много блеску, торжества; его, казалось, ожидал не совсем обыкновенный жребий, как вдруг...»

Да, первая повесть Александра вышла неудачной, но это и не удивительно, учитывая юный возраст автора и отсутствие у него жизненного опыта. Александр сам отказался от карьерного роста, тяжело переживая первое в его жизни горе – несчастную любовь к Наденьке, а доби́ли его разгромный отзыв на его повесть и заявление дядюшки об отсутствии у племянника литературного таланта. Разочаровавшийся во всех своих юношеских идеалах Александр покидает столицу и возвращается в родной дом.

Очевидно, что Гончаров не справился с поставленной задачей: все четыре примера «краха» русской доктрины жизни при столкновении с реальной *столичной* жизнью не выдерживают критики. Это именно что – обыкновенная история, а не война мировоззрений!

Что же по воле автора происходит с Александром Адуевым дальше? Отравленному ядом столичной жизни Александру становится скучно в родном имении, и он вдруг, из-за скуки (!) и уязвлённого самолюбия, принимает дядюшкину доктрину жизни, вновь приезжает в Петербург и начинает усиленно делать карьеру и ловить фортуна наживы, в чём, в конце концов, весьма преуспевает и даже превосходит своего дядю. Но при этом он превратился в бесчувственное чудовище! Очевидно, будь он таким чудовищем изначально, никаких «крахов» с ним бы не случилось. Следовательно, чтобы русским полностью перейти на западную модель жизни, они должны с раннего детства подавлять в себе все чув-

ства! Именно подавлять, а не регулировать, потому что, очевидно, для детей какая-либо регулировка чувств – это нон-сенс! И вот это уже – необыкновенная история.

Пётр Адуев перевоспитал не только племянника, но и свою молодую жену Лизавету, изначально бывшую в спорах полностью на стороне Александра. И в отношениях с женой Адуев-старший руководствовался разумом, расчётом, а не чувствами. Он поучал племянника:

«... чтоб быть счастливым с женщиной, то есть не по-твоему, как сумасшедшие, а разумно, – надо много условий... надо уметь образовать из девушки женщину по обдуманному плану, по методе, если хочешь, чтоб она поняла и исполнила своё назначение. Надо очертить её магическим кругом, не очень тесно, чтоб она не заметила границ и не переступила их, хитро овладеть не только её сердцем – это что! это скользкое и непрочное обладание, а умом, волей, подчинить её вкус и нрав своему, чтоб она смотрела на вещи через тебя, думала твоим умом...»

Пётр Адуев и здесь добился успеха, он счастлив в семейной жизни. Но наблюдая муки несчастной любви Александра, Лиза вдруг задумалась: счастлива ли она?

«Жаловаться она не имела права: все наружные условия счастья, за которым гоняется толпа, исполнялись над нею, как по заданной программе. Довольство, даже роскошь в настоящем, обеспеченность в будущем – всё

избавляло её от мелких, горьких забот, которые сосут сердце и сушат грудь множества бедняков.

Муж её неутомимо трудился и всё ещё трудится. Но что было главною целью его трудов? Трудился ли он для общей человеческой цели, исполняя заданный ему судьбою урок, или только для мелочных причин, чтобы приобрести между людьми чиновное и денежное значение, для того ли, наконец, чтобы его не гнули в дугу нужда, обстоятельства? Бог его знает. О высоких целях он разговаривать не любил, называя это бредом, а говорил сухо и просто, что надо дело делать.

Лизавета Александровна вынесла только то грустное заключение, что не она и не любовь к ней были единственною целью его рвения и усилий. Он трудился и до женитьбы, ещё не зная своей жены. О любви он ей никогда не говорил и у ней не спрашивал; на её вопросы об этом отделялся шуткой, остротой или дремотой.

Он поклоняется положительным целям – это ясно, и требует, чтоб и жена жила не мечтательною жизнью.

«Но, боже мой! – думала Лизавета Александровна, – ужели он женился только для того, чтоб иметь хозяйку, чтоб придать своей холостой квартире полноту и достоинство семейного дома, чтоб иметь больше веса в обществе? Хозяйка, жена – в самом прозаическом смысле этих слов! Да разве он не постигает, со всем своим умом,

что и в положительных целях женщины присутствует непременно любовь?.. Семейные обязанности – вот её заботы: но разве можно исполнять их без любви? Няньки, кормилицы, и те творят себе кумира из ребёнка, за которым ходят; а жена, а мать! О, пусть я купила бы себе чувство муками, пусть бы перенесла все страдания, какие неразлучны с страстью, но лишь бы жить полною жизнью, лишь бы чувствовать своё существование, а не прозябать!..»

И Лизавета начинает постепенно угасать. Ей грозит чахотка и скорая смерть. Поняв, что погубил жену, Пётр Адуев бросает всё: карьеру, завод, столицу. Он собирается увезти жену на лечение за границу и посвятить ей остаток жизни. И данный финал перечёркивает победу дяди над племянником, показав, что западный идеал жизни не столь совершенен, и чувства всё же превалируют над расчётом!

Роман Ивана Гончарова «Обыкновенная история» вышел в 1847 году. Через двенадцать лет, в 1859 году, Гончаров делает ещё одну попытку показать превосходство западной модели общества над русской – издаёт свой знаменитый роман «Обломов», в котором сталкивает двух друзей детства, выросших бок о бок и учившихся в одной школе: русского лентяя Илью Обломова и образцового трудягу на западный манер полунемца Андрея Штольца. Вот как сам Гончаров в своей статье «Лучше поздно, чем никогда» объясняет, по-

чему русскому противопоставлен немец:

«... скажу несколько слов о Штольце в «Обломове».

Меня упрекали за это лицо – и с одной стороны справедливо. Он слаб, бледен – из него слишком голо выглядит идея. Это я сам сознаю. Но меня упрекали, зачем я ввёл его в роман? Отчего немца, а не русского поставил я в противоположность Обломову?

Я мог бы ответить на это, что, изображая лень и апатию во всей её широте и закоренелости, как стихийную русскую черту, и только одно это, я, выставив рядом русского же, как образец энергии, знания, труда, вообще всякой силы, впал бы в некоторое противоречие с самим собою, то есть с своей задачей – изображать застой, сон, неподвижность. Я разбавил бы целость одной, избранной мною для романа стороны русского характера».

Миф о «русской лени» до сих пор усиленно продвигается Западом, хотя на самом деле русская лень – это нежелание трудиться ради наживы или карьеры. Как это ни странно, но это христианство навязало русскому народу понятие о лени как о нежелании трудиться вообще. Что такое христианский рай? Это место, где первые люди жили без забот и без труда! А куда стремятся праведные христиане после смерти? В этот ленивый рай! А кто навязал русским христианство? Запад! Как же тогда этот самый Запад смеет обвинять русских в лени, если эта самая лень по понятиям христианского

Запада – райское блаженство и мечта каждого христианина? Это первое противоречие, которое западникам никак не удаётся преодолеть.

Как известно, в раю люди жили на полном обеспечении, не работали ни физически, ни умственно. Просто наслаждались самой жизнью. Но из рая человек изгнан, и людям в массе своей приходится трудиться, чтобы улучшить условия своего существования. Большинство работает, чтобы обеспечить себе и своим близким еду, одежду и кров. Обеспеченное же меньшинство трудится «на благо государства», исключая «скупых рыцарей», занятых бессмысленным набиванием собственных кубышек. То есть труд в любой форме – одно из краеугольных условий существования людей, вне зависимости от формы общественного устройства, исключая мифический коммунизм. Тезис о том, что нужно трудиться здесь, «на земле», чтобы наслаждаться бездельем там, на «небесах», мягко говоря, не вдохновляет, особенно тех счастливчиков, которые и здесь в полной мере обеспечены всем необходимым.

Второе противоречие – явное поклонение сторонников западного образа жизни Золотому Тельцу, приводящее в конечном итоге к краху личности, гибели души человека.

Как же Гончаров в своём романе доказал превосходство во всём полунемца Штольца над русским Обломовым? Да точно так же, как и в романе «Обыкновенная история»: крах всех начинаний и «падение» лентяя Обломова и взлёт и бла-

годенствие трудяги Штольца. Но Штолец, в отличие от Адуева-старшего не старается подчинить свои чувства расчёту и поэтому не превращается в бездушное чудовище, что должно было по мнению автора превратить этот персонаж в образец для подражания. Но как Штольцу удалось добиться материального благополучия, не замарав души, автор романа не показывает, что и делает этот образ *«слабым, бледным, голой идеей»*.

В романе «Обломов» Иван Гончаров показывает, что может существовать и персональный рай, рай для конкретных людей. И этот рай называется Обломовка. Именно здесь вырос и сформировался как личность Илья Ильич Обломов.

С самого рождения полностью удовлетворялись все желания мальчика. Ему не позволяли ничего делать самому. Специальные слуги одевали и раздевали ребёнка, кормили, следили за каждым его шагом, чтобы уберечь от любой возможной неприятности или опасности. Словом, Илюша Обломов жил, как в раю. Так же, как «первые люди», он был вдруг извергнут из рая, «вкусив» абсолютно ненужных ему знаний: его отправили учиться в школу *«в селе Верхлёве, верстах в пяти от Обломовки, у тамошнего управляющего, немца Штольца, который завёл небольшой пансион для детей окрестных дворян»*. Родители Обломова никогда бы этого не сделали, не пояись в их райском уголке этот «змей-искуситель», представитель жестокого, да ещё к тому же западного мира.

Отправив сына в школу Штольца, родители Илюши Обломова инстинктивно противятся столь чуждому всем их исконным обычаям влиянию на их сына, используют любые предлоги, чтобы тот подольше оставался дома и поменьше был в школе.

«... мать встречает его за чаем с улыбкой и с приятною новостью:

– Сегодня не поедешь; в четверг большой праздник: стоит ли ездить взад и вперед на три дня?

Или иногда вдруг объявит ему: «Сегодня родительская неделя, – не до ученья: блины будем печь».

А не то, так мать посмотрит утром в понедельник пристально на него, да и скажет:

– Что-то у тебя глаза несвежи сегодня. Здоров ли ты? – и покачает головой.

Лукавый мальчишка здоровёхонек, но молчит.

– Посиди-ка ты эту неделку дома, – скажет она, – а там – что Бог даст.

И все в доме были проникнуты убеждением, что ученье и родительская суббота никак не должны совпадать вместе, или что праздник в четверг – неодолимая преграда к ученью во всю неделю.

В другой раз вдруг к немцу Антипка явится на знакомой пегашке, среди или в начале недели, за Ильёй Ильичом.

– Приехала, дескать, Марья Савишина, или Наталья

Фаддеевна гостить, или Кузовковы со своими детьми, так пожалуйте домой!

И недели три Илюша гостит дома, а там, смотришь, до Страстной недели уж недалёко, а там и праздник, а там кто-нибудь в семействе почему-то решит, что на Фоминой неделе не учатся; до лета остаётся недели две – не стоит ездить, а летом и сам немец отдыхает, так уж лучше до осени отложить.

Посмотришь, Илья Ильич и отгуляется в полгода, и как вырастет он в это время! Как потолстеет! Как спит славно!

И нежные родители продолжали приискивать предлоги удерживать сына дома. За предложениями, и кроме праздников, дело не ставало. Зимой казалось им холодно, летом по жаре тоже не годится ехать, а иногда и дождь пойдёт, осенью слякоть мешает. Иногда Антипка что-то сомнителен покажется: пьян не пьян, а как-то дико смотрит: беды бы не было, завязнет или оборвётся где-нибудь.

Обломовы старались, впрочем, придать как можно более законности этим предложениям в своих собственных глазах и особенно в глазах Штольца, который не щадил и в глаза и за глаза доннерветтеров за такое баловство».

Вот таким образом Илюша Обломов до пятнадцати лет учился в пансионе Штольца, а «потом старики Обломовы, после долгой борьбы, решились послать Илюшу в Москву,

где он волей-неволей проследил курс наук до конца». И уже тогда юноша задумывался:

«Когда же жить? – спрашивал он опять самого себя. – Когда же, наконец, пускать в оборот этот капитал знаний, из которых большая часть ещё ни на что не понадобится в жизни? Политическая экономия, например, алгебра, геометрия – что я стану с ними делать в Обломовке?»

Когда же учение закончилось, Илья Обломов окончательно покидает свой рай, родную Обломовку и отправляется в Петербург. Именно здесь, в столице, разгорается борьба за «перевоспитание» Ильи Обломова, за перевод его с русского дворянского образа жизни на «прогрессивный» западный. Илья Обломов – это доведённый до абсурда образ Александра Адуева из романа «Обыкновенная история», но не сломавшийся под ударами жизни, не переродившийся в бездушное чудовище, а свернувшийся, как куколка насекомого, в своём личном мирке, отгородившись от внешнего столичного мира. Каким же показывает Гончаров петербургского Обломова?

«Это был человек лет тридцати двух-трёх от роду, среднего роста, приятной наружности, с тёмно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определённой идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворённые губы, пряталась в складках лба, по-

том совсем пропадала, и тогда во всём лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока.

Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки; но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением, не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светила в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки. И поверхностно наблюдательный, холодный человек, взглянув мимоходом на Обломова, сказал бы: «Добряк должен быть, простота!» Человек поглубже и посимпатичнее, долго взглядываясь в лицо его, отошёл бы в приятном раздумье, с улыбкой».

Надо сказать, что Илья Обломов не был ленивым или умственно недоразвитым бездельником. Он поначалу честно пытался вписаться в столь непривычный и неприятный ему столичный мир. Но вскоре понял, что лично ему обычаи и законы этого мира не подходят, а потому Обломов просто уходит со службы в отставку, избегает светских развлечений и начинает строить вокруг себя некую мини-Обломовку, свой персональный рай. То, что Обломов постоянно лежит в своей комнате на диване, вовсе не свидетельствует о его необыкновенной лени, о чём читателя извещает сам автор:

«Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать,

ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием.

Что ж он делал? Да всё продолжал чертить узор собственной жизни. В ней он, не без основания, находил столько премудрости и поэзии, что и не исчерпаешь никогда без книг и учёности.

Изменив службе и обществу, он начал иначе решать задачу существования, вдумывался в своё назначение и, наконец, открыл, что горизонт его деятельности и жистья-бытья кроется в нём самом.

Никто не знал и не видал этой внутренней жизни Ильи Ильича: все думали, что Обломов так себе, только лежит да кушает на здоровье, и что больше от него нечего ждать; что едва ли у него вяжутся и мысли в голове. Так о нём и толковали везде, где его знали».

Обломов старается постепенно вернуться в то, известное ему с раннего детства состояние нирваны, но ему постоянно мешают визиты бывших сослуживцев и земляков. А окончательный удар по его намерениям наносит внезапно появившийся в его жилище друг детства Андрей Штольц, достойный сын своего родителя-немца и убеждённый приверженец доктрины необходимости всеобщего труда. Кто же такой Андрей Штольц и почему он так сильно отличается от Ильи Обломова?

Отец Штольца приехал в Россию «*в одном сюртуке да*

в *башимаках*», управлял имением, женился на русской дворянке и учил детей в пансионе, в том числе и своего сына, ровесника Ильи Обломова. Как и почему русская дворянка вышла замуж за безродного и нищего управляющего-немца, Гончаров не объясняет. Но сына Штольц воспитывает и приучает к труду с раннего детства по немецкой методе, не обращая внимания на протесты жены. Андрей Штольц – это усовершенствованный Пётр Адуев из романа «Обыкновенная история». Доктрина жизни осталась та же, но и чувства не заглушены полностью.

«Штольц был немец только вполовину, по отцу: мать его была русская; веру он исповедовал православную; природная речь его была русская: он учился ей у матери и из книг, в университетской аудитории и в играх с деревенскими мальчишками, в толках с их отцами и на московских базарах. Немецкий же язык он наследовал от отца да из книг.

В селе Верхлёве, где отец его был управляющим, Штольц вырос и воспитывался. С восьми лет он сидел с отцом за географической картой, разбирал по складам Гердера, Виланда, библейские стихи и подводил итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных, а с матерью читал Священную историю, учил басни Крылова и разбирал по складам же «Телемака».

Когда он подросток, отец сажал его с собой на рессорную тележку, давал возжжи и велел везти на фабрику, потом

в поля, потом в город, к купцам, в присутственные места, потом посмотреть какую-нибудь глину, которую возьмёт на палец, понюхает, иногда лизнёт, и сыну даст понюхать, и объяснит, какая она, на что годится. Не то так отправятся посмотреть, как добывают поташ или дёготь, топят сало.

Четырнадцати, пятнадцати лет мальчик отправлялся частенько один, в тележке или верхом, с сумкой у седла, с поручениями от отца в город, и никогда не случилось, чтоб он забыл что-нибудь, переиначил, недоглядел, дал промах».

Закончив учёбу Андрей Штольц тоже покинул родительский дом и отправился искать счастья в столицу, где быстро сделал карьеру и нажил капитал.

«Штольц ровесник Обломову: и ему уже за тридцать лет. Он служил, вышел в отставку, занялся своими делами и в самом деле нажил дом и деньги. Он участвует в какой-то компании, отправляющей товары за границу.

Он беспрестанно в движении: понадобится обществу послать в Бельгию или Англию агента – посылают его; нужно написать какой-нибудь проект или приспособить новую идею к делу – выбирают его. Между тем он ездит и в свет и читает: когда он успевает – Бог весть.

Как в организме нет у него ничего лишнего, так и в нравственных отправлениях своей жизни он искал

равновесия практических сторон с тонкими потребностями духа. Две стороны шли параллельно, перекрещиваясь и перевиваясь на пути, но никогда не запутываясь в тяжёлые, неразрешаемые узлы.

Он шёл твёрдо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца.

Мечте, загадочному, таинственному не было места в его душе. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было в глазах его оптический обман, то или другое отражение лучей и красок на сетке органа зрения или же, наконец, факт, до которого ещё не дошла очередь опыта».

Сначала сам Штольц пытается вернуть Обломова в «общество», наставить на правильный «общепринятый» путь работы над собой и на всеобщее благо. Обломов искренне не понимает необходимости для него, а следовательно – и для всего русского дворянства, обеспеченного полностью трудом крепостных, работать своими руками. Он говорит своему слуге Захару:

«Я „другой“! Да разве я мечусь, разве работаю? Мало ем, что ли? Худощав или жалок на вид? Разве недостаёт мне чего-нибудь? Кажется, подать, сделать – есть кому! Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава Богу! Стану ли я беспокоиться? Из чего мне?»

И кому я это говорю? Не ты ли с детства ходил за мной? Ты всё это знаешь, видел, что я воспитан нежно, что я ни холода, ни голода никогда не терпел, нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще чёрным делом не занимался».

Обломов пытается спорить со Штольцем:

«— Где же идеал жизни, по-твоему? Что ж не обломовщина? — без увлечения, робко спросил он. — Разве не все добиваются того же, о чём я мечтаю? Помилуй! — прибавил он смелее. — Да цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?.. Когда-нибудь перестанешь же трудиться, — заметил Обломов.

— Никогда не перестану. Для чего?

— Когда удвоишь свои капиталы, — сказал Обломов.

— Когда учетверю их, и тогда не перестану.

— Так из чего же, — заговорил он, помолчав, — ты бьёшься, если цель твоя не обеспечить себя навсегда и удалиться потом на покой, отдохнуть?..

— Деревенская обломовщина! — сказал Штольц.

— Или достигнуть службой значения и положения в обществе и потом в почётном бездействии наслаждаться заслуженным отдыхом...

— Петербургская обломовщина! — возразил Штольц.

— Так когда же жить? — с досадой на замечания

Штольца возразил Обломов. – Для чего же мучиться весь век?

– Для самого труда, больше ни для чего. Труд – образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей».

Надо прямо сказать: слова Штольца звучат малоубедительно, особенно – для Обломова. В них нет достойных и вразумительных аргументов для смены личного рая на бессмысленный труд. Очевидно поэтому автор заменяет поучения Штольца любовью к женщине. Ради любви человек готов на всё!

Дела требуют отъезда Штольца за границу, разумеется – в Европу, чтобы набраться нового опыта, поучиться новейшим технологиям, ведь Россия по мнению западников находится в постоянном застое, здесь ничего нового быть не может по определению. И Штолец поручает Ольге Ильинской, молодой девушке, присмотреть за Обломовым, не давать тому отрываться от общества, вытаскивать на всевозможные предприятия: приёмы, посещения театра, прогулки на природе и тому подобное. Ольга, находящаяся под сильным влиянием Штольца и полностью согласная со взглядами того на то, какой должна быть жизнь образованного человека, с энтузиазмом берётся за дело.

«У ней, в умненькой, хорошенькой головке, развился уже подробный план, как она отучит Обломова спать после обеда, да не только спать, – она не позволит ему

даже прилечь на диване днём: возьмёт с него слово.

Она мечтала, как «прикажет ему прочесть книги», которые оставил Штольц, потом читать каждый день газеты и рассказывать ей новости, писать в деревню письма, дописывать план устройства имения, приготовиться ехать за границу, – словом, он не задремлет у неё; она укажет ему цель, заставит полюбить опять всё, что он разлюбил, и Штольц не узнает его, воротясь.

И всё это чудо сделает она, такая робкая, молчаливая, которой до сих пор никто не слушался, которая ещё не начала жить! Она – виновница такого превращения!

Он будет жить, действовать, благословлять жизнь её. Возвратить человека к жизни – сколько славы доктору, когда он спасёт безнадежного больного! А спасти нравственно погибающий ум, душу?..

Она даже вздрагивала от гордого, радостного трепета; считала это уроком, назначенным свыше».

Ольга «тормошит» Обломова, заставляет того читать, а потом пересказывать ей модные книги и газетные статьи, посещать театр, чуть ли ни ежедневно приходит к Ильинским на обед и принимать участие в беседах на разные темы собиравшихся там молодых людей. Более того, воспользовавшись явной влюблённостью в неё Обломова, Ольга вскоре, как говорится, превысила свои полномочия. Она оказалась одной из тех самонадеянных девушек, которые наперекор советам друзей и родных выходят замуж за пьяниц, нар-

команов, игроков, преступников или бабников, считая, что уж она-то сумеет перевоспитать своего избранника и сделать из него примерного *мужа и гражданина*.

Точно такая же ситуация описана в другом романе Гончарова – «Обрыв». Там такая же молодая и самоуверенная девушка по имени Вера, отринув мнение окружающих, пытается вернуть на путь истинный Марка Волохова, политического ссыльнопоселенца, отверженного обществом смутьяна, наглеца, мошенника и вора. Попытка эта заканчивается, разумеется, трагически, и Вера, вместо того, чтобы «поднять павшего до себя», становится в глазах родных и близких, а также собственных, «падшей женщиной».

Очевидно, что не менее трагичная судьба ожидала и Ольгу Ильинскую, если бы Обломов поддался чувствам и сделал официальное предложение руки и сердца, которое Ольга готова была принять даже вопреки мнению родных и знакомых. К счастью, Обломов не был подлецом и эгоистом, а потому написал Ольге письмо, в котором откровенно описал ожидающее их будущее в случае брака. Ведь Ольга, находящаяся под полным влиянием теории необходимости труда, внушённой ей Андреем Штольцем, никогда не будет счастлива с таким мужем, как Илья Обломов. Он постарался задушить собственное чувство любви к Ольге, стал избегать встреч с ней, и вскоре произошёл неизбежный разрыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.